

В. фон Гумбольдт о метафоре и метонимии

Кондакова И. А.,

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36. E-mail: usr11522@vyatsu.ru

Аннотация: Несмотря на тот факт, что наследие немецкого философа и языковеда В. Фон Гумбольдта не включает работ, посвященных непосредственно метафоре или метонимии, следует отметить, что его исследования затрагивают тему вторичной номинации в языке. Более того, идеи В. фон Гумбольдта согласуются с положениями когнитивной лингвистики. Так, он рассматривает метафору как способ мышления, универсальное явление, которое находит отражение во всех языках мира на всех этапах их развития, что находит подтверждение не только на уровне лексики, но и на уровне грамматической системы; метафора мыслится как способ представления абстрактных сущностей через конкретные, как представление посредством двух понятий третьего понятия, что обуславливает познавательную функцию метафоры. Способность облегчать понимание он приписывал и переносу по смежности, хотя термин «метонимия» им не употребляется. Он отмечал этноспецифичный характер метафоры, обусловленный целым рядом причин, лежащих преимущественно за рамками лингвистики. Важнейшим моментом концепции В. фон Гумбольдта является признание того факта, что любое явление в языке следует рассматривать не изолированно, а в речи (например, в литературном контексте), что может рассматриваться как предтеча когнитивно-дискурсивного подхода.

Ключевые слова: В. фон Гумбольдт, метафора, метафоричность, метонимия, когнитивная лингвистика.

W. von Humboldt on Metaphor and Metonymy

Kondakova I. A.,

candidate of philological sciences, associate professor of the Department of linguistics and translation, Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov. E-mail: usr11522@vyatsu.ru

Abstract: In the scientific inheritance of the German philosopher and linguist V. von Humboldt there are no works devoted particularly to metaphor, at the same time he cannot avoid this topic in other linguistic contexts. More than that, Humboldt's ideas do agree with the basic ideas of cognitive linguistics. He treated metaphor as a way of thinking, as a universal phenomenon characteristic of any human language at any stage of its development, as a phenomenon that exists not just on the level of the lexical system, but also of Grammar. Metaphor represents the abstract through the concrete, the third phenomenon is shown through two other ones, thus metaphor performs a teaching, explanatory, heuristic function. The function in question is also ascribed to the transfer by contiguity (though Humboldt does not mention the term "metonymy"). Humboldt also dwells on ethnospecific character of metaphor based mostly on extralinguistic factors, such as climate, nature, history, etc. The most important idea of V. von Humboldt concerns the fact that any linguistic phenomenon should be researched not separately but in its connection with all other phenomena in speech, i. e. in discourse, which agrees with the main principle of the cognitive-discursive approach.

Keywords: W. von Humboldt, metaphor, metaphoricity, metonymy, cognitive linguistics.

Основатель общего языкознания и философии языка, немецкий философ и языковед Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835) в основу своей концепции изучения языка положил антропологический подход к языку. Он назвал язык «обязательной предпосылкой мышления», посредником между природой и человеком, Гумбольдт был первым в языковедом, заявившим о связи языка и мышления, отмечая, что язык является не зеркалом действительности, а отражением представлений человека о ней: язык отражает то, как человек «представляет не предметы, но всегда понятия о них, самостоятельно образуемые умом при рождении слова» [1]. В. фон Гумбольдт указывал, что язык связан с человеком, этносом, природой, мышлением, действительностью и духом, а также их более сложными комбинациями [2]. Идеи Гумбольдта повлияли на дальнейшее развитие науки о языке.

Сфера лингвистических исследований Гумбольдта была необычайно широка как в отношении рассматриваемых языковых явлений, так и в отношении языкового материала, на базе которого строились рассуждения. Сложно найти аспект, который не был бы затронут в работах ученого. В данной статье предпринимается попытка показать его взгляд на проблему метафоры: хотя

В. фон Гумбольдт не посвящал явлению метафоры отдельных исследований, по сути, в своих работах он высказывает идеи и положения, которые через полтора века нашли свое развитие в рамках когнитивного подхода и оказались положенными в основу теории концептуальной метафоры (ТКМ).

Во-первых, важно отметить, что В. фон Гумбольдт понимает метафору как способ мышления об абстрактном в терминах конкретного: названия абстрактных сущностей происходят от названий конкретных объектов, а средствами представления абстракций в языке служат либо олицетворения, либо пространственные отношения: понятия и отношения «при переходе в язык, часто, хотя и не всегда, облекаются в какие-нибудь образы, и здесь-то особенно выказывает свою глубину гений языка – в умении сокоуплять между собою те простейшие понятия, которые господствуют в самом основании языка. Лицо, и с ним местоимение, и пространственные отношения играют здесь главную роль, и часто можно бывает показать на деле, как понятие лица связывается с пространственными отношениями и как этой совокупностью образуется еще простейшее представление» [3]. Таким образом, В. фон Гумбольдт обозначил главное направление метафорического переноса: от конкретного – к абстрактному, выраженное в ТКМ термином 'embodiment' – 'воплощенность'.

Также В. фон Гумбольдт отмечал, что способы представления абстрактного с помощью конкретных образов имеют национальную специфику. Так, образы, характерные для неевропейских народов, могут быть неправильно поняты или попросту не восприняты европейцами: «большое количество понятий, особенно нематериального характера... может выражаться посредством необычных, а потому и не замечаемых нами метафор или описательно» [4]. Подобное несовпадение усугубляется несовершенством словарей, которые характеризуются неполнотой и случайностью отбора материала.

В целом, В. фон Гумбольдт представлял метафоричность слов, обозначающих абстрактные понятия как универсальное явление, распространяющееся на неевропейские языки тоже, но при этом он указывал на этноспецифичность (которая определяется многими факторами: культура, географические и климатические условия, флора, фауна и др.) конкретных проявлений метафоричности, называя метафоры неевропейских языков «необычными» (для европейца): «фантазия и чувство вносят в язык свои индивидуально-различные представления соответственно индивидуальному характеру народа, и в этом случае, как во всем индивидуальном, разнообразие форм, в каких представляется индивидуальное содержание, может простирается до бесконечности» [5]. Духовное своеобразие народа оказывает влияние как на способ обозначения понятий «с точки зрения родства этих последних, выражаемого одинаковостью звучания», так и на употребляемые при этом метафоры (видимо, мысль о своеобразии метафор казалась ему настолько сама собой разумеющейся, что об этом, как он сам заметил, даже «вряд ли стоит упоминать» [6]).

Следует добавить, что В. фон Гумбольдт, имплицитно идею о метафоричности как о свойстве, особенно характерном для начального этапа развития языка (что созвучно идеям Э. Б. де Кондильяка), отмечал, что язык сохраняет способность к метафорической изобразительности и на позднем этапе своего развития. То есть он понимал метафору как универсальное понятие не только в пространстве (свойство всех языков мира), но и во времени (на протяжении всех этапов развития языка).

В. фон Гумбольдт указывал на вездесущность метафоры, на связь метафоры и грамматики, метафоры и разговорной речи. Как отмечалось выше, он считал, что метафоры свойственны всем языкам, включая «языки нецивилизованных и малоразвившихся народов», и что в метафоризации состоит одно из проявлений особой интеллектуальной самобытности, «которую на этой докультурной ступени, казалось, нельзя было и ожидать. Языки американских аборигенов богаты примерами такого рода – смелыми метафорами, верными, но неожиданными сближениями понятий, случаи, когда неодушевленные предметы благодаря глубокомысленному пониманию их существа, переработанного воображением, переводятся в разряд одушевленных, и т. д.». При этом он указывал, что метафора поддерживается не только в словаре, но и на грамматическом уровне. По сути, он заметил тот факт, что грамматические классы отражают категоризацию действительности тем или иным народом: «Грамматика этих языков различает не род, а неодушевленность, и одушевленность предметов, понимая ее в самом широком смысле, и из применения этой грамматической категории можно уяснить себе взгляды народов на такие предметы. Например, они помещают небесные тела в один грамматический класс с людьми и животными, явно видя в небесных светилах самодвижущиеся существа, наделенные личностным началом и, возможно, управляющие со своей высоты человеческими судьбами» [7]. Грамматические несовершенства приводят к тому, что разговорная речь, природа которой «потворствует подобным нечеткостям»,

допускается, чтобы одна форма заменяла другую, или же обозначалась метафорой «там, где ей не дается прямое и лаконичное выражение» [8]. Таким образом, В. фон Гумбольдт, во-первых, принимает метафору как факт разговорной речи, во-вторых, расширяет «сферу влияния» метафоры, говоря об «охвате» метафорой, наряду с семантическим уровнем, уровня грамматической формы.

В. фон Гумбольдт признавал познавательную функцию метафоры, полагая, что метафора не чужда научному тексту: он сам в ходе научных рассуждений прибегает к метафоре. Примером могут служить его концептуализации понятия «язык»: ЯЗЫК – ЭТО ОРГАНИЗМ (в том числе ЯЗЫК – ЭТО РАСТЕНИЕ), ЯЗЫК – ЭТО ПРОСТРАНСТВО, ЯЗЫК – ЭТО ФИЗИОНОМИЯ, ЯЗЫК – ЭТО РУДНИК и др. [9]

Рассуждая о структуре метафоры, В. фон Гумбольдт отмечал динамический характер, своего рода жизненный цикл метафоры: изначально в метафоре «из двух различных понятий... образуется третье, как, например, когда солнце называется “глазом дня”, молоко – “водой груди” и т. д., но с течением времени на всех уровнях языка (фонетическом, графическом, лексическом, грамматическом) раздельнооформленность, дискретность понятий утрачивается, они “сливаются”, и метафора перестает восприниматься как таковая, она теряется, “улетучивается» [10]. Представляется, что здесь В. фон Гумбольдт ближе к теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера, нежели собственно к ТКМ Дж. Лакоффа и М. Джосона, ибо недискретность понятий, по сути, подразумевает «бленд». Более того, говоря о постепенной утрате метафоричности, В. фон Гумбольдт обозначил такое свойство метафоры, как динамичность [11].

В своих рассуждениях В. фон Гумбольдт коснулся также и переноса по смежности (метонимии), хотя термин «метонимия» у него не отмечен: «иногда к конкретному понятию добавляется соответствующее ему родовое»; также иногда «может быть употреблено обозначение некоторой вещи, связанной с данным объектом хоть сколько-нибудь общим сходством, как, например, когда понятие протяженности и длины оказывается связанным со словами нож, меч, пика, хлеб, веревка и т. п., в связи с чем самые разнородные объекты, если они имеют хоть какое-нибудь общее свойство, попадают в один и тот же класс... чаще в них сказывается деятельность живой силы воображения». Так, в бирманском языке «рука является родовым понятием для всех видов инструментов – от ружья до зубила» [12]. В. фон Гумбольдт указывал, что такой способ изображения объектов способствует большей наглядности, поэтому он облегчает понимание – то есть метонимия, так же как и метафора, рассматривается как свойство мысли.

В целом, В. фон Гумбольдт имплицировал идею, что метафора лежит в основе всех базовых понятий, но мы этого не ощущаем, так как эта метафора постепенно «стерлась». «От нас вообще далеки исходные значения слов. Все то, что во всех языках обозначает воздух, огонь, воду, человека и т. д., для нас, за редкими исключениями, является просто условным звучанием. То, что лежало в его основе, древняя оценка народами предметов в соответствии с их свойствами, определившими выбор словесного знака, остается нам чуждым. Но как раз этот факт мог привести к необходимости уточнения посредством родового понятия. Если, предположим, китайское *jī* 'солнце' и 'день' первоначально обозначало нечто согревающее, освещающее, то было необходимо добавить к нему *tseu*?, то есть слово, обозначающее материальный шарообразный объект, чтобы сделать ясным, что имеется в виду не рассеянное в воздухе тепло или свет, а согревающее и освещающее небесное тело... используя другую метафору, можно было посредством добавления слова *tseu*? назвать день сыном тепла и света» – «подобные выражения были созданы сознательно, чтобы избежать недоразумений, проистекающих из употребления одного и того же слова для обозначения нескольких понятий или в качестве чтения нескольких письменных знаков» [13]. Таким образом, с учетом древней природы метафоры и ее свойства «стираться», метафору (и, вероятно, также метонимию) не всегда можно идентифицировать: то, что кажется нам буквальным, нередко имеет в своей основе перенос значения.

Говоря о слове, В. фон Гумбольдт указывал, что слову предшествует «потребность в понятии и обусловленное этим стремление к его усвоению», слово призвано выразить понятие как можно более ясно. При этом он высказал фундаментальную идею о том, что невозможно определить круг понятий данного народа в определенный период его истории исходя только из его словаря. Чтобы судить о духовном складе народа, нужен контекст связной речи (то есть дискурс), которая может быть представлена «в более или менее обширной литературе»: «...как правило, слово получает свой полный смысл только внутри сочетания, в котором оно выступает. Поэтому языковедческое исследование вышеописанного рода требует критически строгого анализа имеющих в языке письменных памятников... Мы вместе с тем узнаём, что принадлежит эпохе, что – местности, что – индивиду, и как общий для всех язык охватывает собою эти различия» [14]. Таким образом, концепция В. фон Гумбольдта о слове как репрезентанте понятия (индивидуально-

го или коллективного), несмотря на ряд различий в трактовке и терминологии, согласуется с принципами когнитивно-дискурсивного подхода. Разница состоит в том, что в когнитивной лингвистике вместо термина «понятие» применяется термин «концепт», а вместо термина «речь» – термин «дискурс». Важно отметить, что термины «концепт» и «понятие» «характеризуют разные аспекты человеческого сознания и мышления», концепт принято трактовать «расширительно», более масштабно, чем понятие, как мыслительную единицу, которая вмещает в себя «разносубстратные единицы оперативного сознания, какими являются представления, образы, понятия» [15]. Концепт находит свои выражения в дискурсе. Понятие «дискурс» соотносится (но не совпадает) с понятием «речь». В целом, существенным сходством трактовки отношения слова и понятия у В. фон Гумбольдта и концепта и его вербального воплощения в когнитивной лингвистике является идея о том, что как понятие, так и концепт невозможно принимать изолированно, отдельно от действительности, то есть вне связной речи, вне дискурса.

Таким образом, несмотря на то, что В. Фон Гумбольдт рассматривал метафору лишь в контексте других тем и явлений, применяя современную ему терминологию, он, по сути, изложил ряд положений теории метафоры, в том числе ТКМ, и когнитивной лингвистики в целом. Что касается метафоры, он отметил, что: 1) метафора есть способ мышления об абстрактном в терминах конкретного: через телесность и пространственные отношения; 2) метафора универсальна: присуща всем языкам на всех стадиях развития (включая докультурную); 3) метафорические обозначения этноспецифичны; 4) метафора проявляет себя как на уровне лексики, так и на уровне грамматики (грамматические категории метафоричны); 5) метафора вездесуща, она применяется в литературе, в разговорной речи, в науке (в своих работах он сам прибегает к метафоре); 6) в своем развитии метафора проходит ряд стадий и постепенно «сходит на нет» от частого употребления. Также важны идеи В. фон Гумбольдта о связи языка и мышления, о слове как «носителе» понятия и о том, что понятие (в том числе понятие, выраженное метафорой) нельзя принимать изолированно, отдельно от действительности, понятия не могут в полной мере проявиться в каком-либо одном аспекте языка (например, словарном), они находят реализацию в контексте связной речи – и эту идею можно считать предтечей когнитивно-дискурсивного подхода.

Примечания и список литературы

1. Гумбольдт В. фон. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода: Введение во всеобщее языкознание / пер. с нем. ; предисл. В. фон Гумбольдта. Изд. 2-е. М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 92.
2. Постовалова В. И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции Вильгельма фон Гумбольдта / отв. ред. В. В. Леонтьев. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : ЛЕНАНД, 2014. С. 41.
3. Гумбольдт В. фон. Указ. соч. С. 92–93.
4. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества (1830–1835) // Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984. С. 57.
5. Гумбольдт В. фон. Указ. соч. 2013. С. 89.
6. Там же.
7. Гумбольдт В. фон. Указ. соч. 1984. С. 168.
8. Там же. С. 102.
9. Гумбольдт В. фон. Указ. соч. 2013. С. 11, 13, 20, 43, 59 и др.
10. Гумбольдт В. фон. Указ. соч. 1984. С. 278.
11. Мезенин С. М. Образные средства языка (на материале произведений Шекспира) : учеб. пособие. М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1984.
12. Гумбольдт В. фон. Указ. соч. 1984.
13. Там же. С. 295.
14. Там же. С. 168–169.
15. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке : колл. моногр. / гл. ред. Е. С. Кубрякова ; отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 13, 14.

Notes and References

1. Humboldt, W. Von. *O razlichii organizmov chelovecheskogo yazyka i o vliyaniy ehtogo razlichiya na umstvennoe razvitie chelovecheskogo roda: Vvedenie vo vseobshchee yazykoznanie* [On the difference of the organisms of human language and on the impact of this difference on the mental development of the human species: Introduction into general linguistics] / transl. From Germ.; foreword by W. von Humboldt. Ed. 2nd. M. Book house "Librokom". 2013. P. 92.

2. Postovalova V. I. *Yazyk kak deyatel'nost'. Opyt interpretacii koncepcii Vil'gel'ma fon Gumbol'dta* [Language as activity. The experience of interpreting the conception of Wilhelm von Humboldt] / resp. ed. V. V. Leontiev. Ed. 2nd, corr. and add. M. LENAND. 2014. P. 41.
3. Humboldt, W. von. Op. cit. Pp. 92-93.
4. Humboldt, W. von. *O razlichii stroeniya chelovecheskih yazykov i ego vliyanii na duhovnoe razvitie chelovechestva (1830-1835)* [On the difference of the structure of human languages and its influence on the spiritual development of mankind (1830-1835)] // *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu* – Selected works on linguistics. M. Progress. 1984. P. 57.
5. Humboldt, W. von. Op. cit. 2013. S. 89.
6. Ibid.
7. Humboldt, W. von. Op. cit. 1984. P. 168.
8. Ibid. S. 102.
9. Humboldt, W. von. Op. cit. 2013. Pp. 11, 13, 20, 43, 59, etc.
10. Humboldt, W. von. Op. cit. 1984. P. 278.
11. Mezenin S. M. *Obraznye sredstva yazyka (na materiale proizvedenij SHekspira): ucheb. posobie* [Figurative means of language (on the material of Shakespeare's works): tutorial]. M. MSPI n.a. V. I. Lenin. 1984.
12. Humboldt, W. von. Op. cit. 1984.
13. Ibid. P. 295.
14. Ibid. Pp. 168-169.
15. Kubryakova E. S. *V poiskah sushchnosti yazyka: vmesto vvedeniya* [In search of the essence of language: introduction] // *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. IV. Konceptualizaciya mira v yazyke : koll. monogr.* – Cognitive studies of language. Vol. IV. Conceptualization of the world in the language: coll. monogr. / ed. by E. S. Kubryakova; resp. ed. N. N. Boldyrev. M. Institute of linguistics RAS; Tambov. Publ. of TSU n.a. G. R. Derzhavin. 2009. Pp. 13, 14.